„Пров 30"
БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.
1444
30
LA
9.05

Классицизмъ и реализмъ съ точки зрѣнія истинной науки.

Написалъ Л. Я.

Разсуждая о классицизмѣ и реализмѣ и ихъ значеніи для науки, мы привыкли ограничиваться доводами въ пользу того или другого направленія, не выходящими изъ круга нашихъ обыкновенныхъ представленій о наукѣ; есть однако одна эпоха въ исторіи развитія человѣчества, которая проливаетъ особенно яркій свѣтъ на данный вопросъ и которая поэтому не должна быть оставлена безъ вниманія — это та эпоха, когда человѣкъ, совершивъ предварительно рядъ разнообразнѣйшихъ и величайшихъ открытій, сдѣлалъ еще одно, превосходящее своимъ значеніемъ всѣ остальныя, когда человѣкъ открылъ *себя самого.* Открытіе это, повидимому, чрезвычайно просто, однако уже одни блужданія человѣческой мысли, какъ въ предшествующіе ему, такъ и въ слѣдующіе за нимъ вѣка, доказываютъ прямо противное, а именно, что *для человѣка нѣтъ ничего труднѣе, какъ видѣть и сознавать себя, т. е. свой умъ, свой духъ, ихъ силу, ихъ значеніе.* Если же мы углубимся въ смыслъ этого открытія, то оно дѣйствительно окажется столь важнымъ, что *предъ нимъ теряетъ большую долю своего значенія все остальное, что мы привыкли считать не только самымъ важнымъ, но и неотрицаемымъ и незыблемымъ.* И такъ мы, желая поговорить о классицизмѣ и реализмѣ, намѣрены сначала изложить вкратцѣ обстоятельства, при которыхъ совершилось это знаменительное открытіе, а затѣмъ подчеркнуть и всѣ его слѣдствія, въ надеждѣ, что добросовѣстная оцѣнка историческаго факта позволитъ намъ выяснить то, что остается незамѣченнымъ въ нашихъ разсужденіяхъ о наукѣ. Мы не боимся при томъ навлечь на себя упрекъ въ томъ, что повторяемъ общеизвѣстные факты — для насъ важны слѣдствія этихъ фактовъ, и это достаточно оправдываетъ наше намѣре-

ніе; поведемъ же рѣчь о появленіи философа Сократа въ Греціи и о значеніи его философіи для науки.

Извѣстно, что греческая философія развилась постепенно изъ религіозныхъ представленій грековъ, по которымъ божество было отчасти олицетвореніемъ различныхъ силъ природы, отчасти же разнообразныхъ способностей человѣка. Такъ, напр., Зевсъ былъ отчасти, подобно славянскому Перуну, богомъ грома и молніи, отчасти же и мудрымъ правителемъ міра и законодателемъ человѣческаго общества. Но если греческіе поэты, художники и моралисты, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ произведенія греческой литературы и искусства, и обратили довольно рано вниманіе на человѣка и его духовную сторону, то греческіе философы и ученые идутъ сначала по другому пути, замѣчая только природу или міръ внѣшній. Такимъ образомъ эти философы и ученые и были истинными творцами того направленія науки, которое у насъ теперь извѣстно подъ именемъ *реализма*. Хотя это направленіе философіи стало впослѣдствіи извѣстно подъ названіемъ метафизики [1]), однако мы должны въ немъ видѣть не что другое, какъ то направленіе науки, которое мы называемъ реализмомъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти философы, подобно новѣйшимъ поклонникамъ реализма, видѣли и сознавали одну природу и ей придавали все значеніе, человѣка же не видѣли и не сознавали. Да и какъ ученые философы эти были физиками, математиками, астрономами и врачами, какъ истинные, чистые реалисты. Припомнимъ себѣ знаменитѣйшихъ изъ этихъ философовъ. Это были: родоначальникъ Іонійскихъ философскихъ школъ Ѳалесъ, утверждавшій, что міръ произошелъ изъ воды; его ученикъ Анаксимандръ, учившій, что начало всего есть тонкая матерія—безграничное; ученикъ Анаксимандра Анаксименъ, полагавшій, что начало міра есть воздухъ; далѣе основатель знаменитой Элейской философской школы Ксенофанъ, признавшій божество безконечнымъ, неизмѣняемымъ и неподвижнымъ; его ученикъ Парменидъ, отвергшій перемѣну и въ мірѣ; ученикъ Парменида Зенонъ, признавшій одно бытіе и отвергшій величину, движеніе, протяженіе, пространство; далѣе Гераклитъ, учившій, что всѣ вещи подвержены постоянной перемѣнѣ и превращенію и что покой и остановка — это не болѣе, какъ обманъ чувствъ; Пиѳагоръ, положившій въ основаніе философіи математику и учившій, что начало и сущность

---

[1]) Названіе *метафизики* (μετὰ τὰ φυσικά) обозначало сначала сочиненія философа Аристотеля о первыхъ причинахъ, слѣдовавшія за его сочиненіями о природѣ или физикой, впослѣдствіи же ученые стали называть метафизикой философію и философскія системы, пытавшіяся объяснить научно происхожденіе и сущность міра.

міра есть число; врачъ Эмпедоклъ, разбившій матерію на четыре первоначальныхъ элемента или стихіи, соединяемые любовью и разъединяемые раздоромъ; Анаксагоръ, раздѣлившій матерію на безконечное множество безконечно малыхъ элементовъ или сѣмянъ вещей, соединяемыхъ разумомъ или духомъ; Демокритъ, воображавшій однородную и безразличную матерію раздѣленною на безконечное число безконечно малыхъ, недѣлимыхъ частицъ или атомовъ — все это были великіе умы, проложившіе широкіе пути реальнымъ наукамъ — физикѣ, математикѣ, астрономіи, медицинѣ—и не имѣвшіе при томъ въ области науки никакихъ соперниковъ, а рѣшавшіе окончательно всѣ научные вопросы. Откуда же взялся *классицизмъ*, отъ котораго приходится теперь реализму всѣми силами отбиваться?

Современный классицизмъ, какъ извѣстно, ведетъ свое происхожденіе изъ эпохи Возрожденія, однако событія, призвавшія его къ жизни, совершились еще задолго до этой эпохи — въ Греціи. Событія эти столь важны для исторіи науки, что на нихъ стоитъ остановиться.

Все дѣло въ томъ, что, не смотря на свой блескъ, *реальное направленіе философской мысли оказалось съ теченіемъ времени совсѣмъ не состоятельнымъ*. Всѣ его представители не выходили изъ области предположеній или, какъ мы говоримъ, гипотезъ, истины которыхъ не въ состояніи были *доказать* никому и прежде всѣхъ даже другъ другу. Для Ѳалеса міръ произошелъ изъ воды — для Пиѳагора изъ единицы; по мнѣнію элейцевъ, ничто не измѣняется — по мнѣнію же Гераклита, какъ разъ все вѣчно перемѣняется; по мнѣнію Эмпедокла, матерію образуютъ четыре элемента, соединяемые любовью и разъединяемые раздоромъ — по мнѣнію Анаксагора, матерія распадается на безконечное множество сѣмянъ, по мнѣнію же Демокрита, на безконечное множество недѣлимыхъ частицъ или атомовъ. Гдѣ же *истина*? Кто правъ и кто не правъ? Какъ узнать истину? Можно ли ее узнать или нѣтъ? На эти вопросы реализмъ не давалъ отвѣта. Конечно, Пиѳагоръ доказывалъ свою геометрію, а Гераклитъ свою физику, но ни тотъ, ни другой не могъ доказать своихъ основныхъ философскихъ положеній, а это было самое важное. Вѣдь все человѣческое знаніе еще не исчерпывается нѣсколькими геометрическими теоремами или физическими открытіями. Философы не могли и сами не замѣчать, что впадаютъ въ противорѣчіе, потому что нельзя же, напр., не видѣть, что не все измѣняется, а съ другой стороны, что не все остается постоянно однимъ и тѣмъ же, но только не были въ состояніи устранить очевидныя противорѣчія, а на всѣ возраженія отвѣчали: для чувства такъ — для ума иначе; для чувства міръ перемѣняется, для ума же онъ неизмѣненъ, или наоборотъ: для чувства міръ неизмѣненъ, для ума же вѣчно измѣняется — объяснить же, доказать, что онъ дѣйстви-

тѣльно не измѣняется или измѣняется, не были въ состояніи. Такимъ образомъ, волей иль неволей, сами философы были вынуждены въ концѣ концовъ сложить оружіе и признать, что знать истину невозможно.

Правда, Демокритъ поднялъ вопросъ объ *источникѣ* познанія, но что изъ этого? Онъ могъ только найти, что источникомъ познанія служатъ наши чувства, зависящія вполнѣ отъ атомовъ, но такъ какъ самые атомы недоступны нашимъ чувствамъ, то приходилось отвергать какъ атомы, такъ и такой источникъ познанія. Такимъ образомъ весь реализмъ былъ совершенно уничтоженъ однимъ простымъ вопросомъ, гдѣ же истина. И это, конечно, судьба не одного греческаго реализма; нѣтъ, въ какое бы время реализмъ ни предъявлялъ свои права на преобладаніе, его судьба всегда будетъ такая же. Онъ можетъ изучать природу, можетъ развивать естественныя науки, математику, медицину, но на существенный вопросъ объ истинѣ онъ никогда убѣдительно не отвѣтитъ. Въ этомъ случаѣ ученый реалистъ-философъ тотъ же школьникъ, принимающій все на вѣру, потому что такъ говоритъ учебникъ или преподаватель. Вѣдь почему то или другое доказательство служитъ дѣйствительно доказательствомъ истины, того ни тотъ, ни другой не знаетъ. Но вѣдь кромѣ общаго вопроса объ истинѣ есть еще множество другихъ вопросовъ, на которые вслѣдствіе ихъ важности отвѣчать необходимо, напр., что *правда* и что *ложь*, что такое *право*, что такое *законъ*, что такое *государство*, что *справедливо* и что *несправедливо*, что *честно* и что *нечестно*, что *хорошо* и что *дурно*, что *красиво* и что *некрасиво*, что *полезно* и что *вредно*, и *множество* другихъ тѣмъ подобныхъ вопросовъ На эти и всѣ подобные вопросы должны быть даны правильные и убѣдительные отвѣты — иначе мы потеряемъ совершенно сознаніе правды и неправды, справедливаго и несправедливаго, честнаго и безчестнаго, хорошаго и дурного, а между тѣмъ реализмъ ужъ вовсе не можетъ дать на эти вопросы удовлетворительныхъ отвѣтовъ.

И онъ не далъ ихъ и въ Греціи, не смотря на все свое кажущееся величіе, а привелъ къ ужаснымъ злоупотребленіямъ философіей и наукой, потому что съ теченіемъ времени появились философы, которые заявили открыто, что мѣрило всего — человѣкъ, того, что есть — что есть, и того, чего нѣтъ — что нѣтъ; что истины, обязательной для всѣхъ, нѣтъ, и что всякій отдѣльный человѣкъ воленъ разумѣть все по своему, какъ находитъ для себя полезнымъ и нужнымъ. Философы эти стали извѣстны подъ именемъ *софистовъ*. Они хотѣли поправить ошибку своихъ предшественниковъ и потому обратили вниманіе на внутренній міръ человѣка и стали изучать ходъ мышленія и сущность понятія, обратили также вниманіе на языкъ, какъ на оболочку мысли, и положили начало изученію язы-

ка и грамматикѣ, но тѣмъ не менѣе ихъ ученіе угрожало великой опасностью. Разрушая философію, софисты разрушали одновременно и науку, и искусство, а отвергая истину и правду, они ввергали общество въ развратъ и отчаяніе. На мѣсто истины софисты поставили хитросплетенія лжи и обмана, на мѣсто закона — произволъ, на мѣсто убѣжденія — увертки. Опасность была тѣмъ больше, что никто не могъ противостоять ихъ доводамъ. Они были вооружены философіей, діалектикой и реторикой, развили свой умъ грамматикой и были такимъ образомъ людьми передовыми. Приходилось поневолѣ съ ними соглашаться, потому что не было возможности ихъ опровергать. Люди старыхъ и непоколебимыхъ убѣжденій еще могли не вѣрить софистамъ, но молодежь была вся въ ихъ власти. Ее то они и развращали.

Къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ привелъ философію и науку реализмъ, ограничивавшій область человѣческаго знанія однимъ міромъ внѣшнимъ. Оказалось, что не признавая *человѣка*, наука не можетъ уйти далеко, и пришлось волей-неволей признать его рѣшительное значеніе для науки. Но на первыхъ порахъ оказалось также, что *знаніе человѣка* не такъ просто, какъ это могло съ перваго взгляда казаться, и что при опредѣленіи *значенія человѣка* для философіи и науки, а затѣмъ и при опредѣленіи *сущности понятія и мышленія* могутъ быть опять допущены роковыя ошибки. Но выходъ изъ затруднительнаго положенія былъ уже близокъ, потому что была сорвана маска съ ложнаго ученія и указаны его недостатки. Величайшая и никогда ни раньше, ни позже не виданная честь объяснить окончательно истину и утвердить на прочныхъ основаніяхъ философію и науку выпала на долю Сократа.

Заслуги *Сократа*, не всегда, къ великому ущербу истинному просвѣщенію и наукѣ, достаточно цѣнимыя, сводятся къ слѣдующему: 1) Сократъ нанесъ рѣшительный ударъ софистикѣ, неразлучной съ реальнымъ направленіемъ науки, но достигшей лишь съ теченіемъ времени опаснаго развитія, доказавъ, что истина существуетъ одна для всѣхъ и что знать ее возможно; 2) Сократъ показалъ путь, какъ находить истину; 3) Сократъ раскрылъ богатство и могущество человѣческой природы, сущность которой остается обыкновенно незамѣченной— Сократъ открылъ истину въ самыхъ ея началахъ, доказалъ ея рѣшительное значеніе для человѣка и уничтожилъ всѣ возможныя на ея счетъ сомнѣнія и колебанія—и 4) значеніе истины для человѣка Сократъ подтвердилъ своею жизнью и смертью—единственный въ этомъ родѣ примѣръ на памяти человѣчества.

Не все, говоритъ Сократъ, дано знать человѣку: есть вещи, которыхъ онъ знать не можетъ, знаніе которыхъ Богъ оставилъ за собою— такого знанія и искать не слѣдуетъ. Высшее руководство судьбами

міра и человѣка принадлежитъ исключительно Богу, и потому всѣ наши усилія захватить это руководство напрасны. Въ нашей власти лишь *наши человѣческія дѣла и отношенія.* Знаніе этихъ то дѣлъ и отношеній и имѣетъ самое рѣшительное значеніе для человѣка. Какъ всякій изъ насъ оказывается болѣе или менѣе хорошимъ музыкантомъ, врачемъ, инженеромъ, смотря по знанію, точно также, смотря по *знанію,* всякій изъ насъ оказывается болѣе или менѣе честнымъ, болѣе или менѣе благочестивымъ, болѣе или менѣе мужественнымъ. Люди впадаютъ въ двѣ роковыя ошибки: они во первыхъ не отличаютъ часто того, что возможно и нужно знать, отъ того, что знать невозможно и ненужно, и во вторыхъ воображаютъ, что *случайно* обладаютъ знаніемъ того, чего знаніемъ не обладаютъ и чего знаніе должны пріобрѣтать *ученіемъ. Самопознаніе,* состоящее въ знаніи человѣка, т. е. главнымъ образомъ въ знаніи его духовныхъ свойствъ и способностей и человѣческихъ отношеній, а также въ знаніи того, что мы, какъ люди, можемъ, и что намъ, какъ людямъ, нужно, есть единственный источникъ истиннаго знанія. Сократъ отождествляетъ знаніе съ *дѣломъ.* Знаніе обнаруживается на дѣлѣ, въ противномъ случаѣ у насъ нѣтъ знанія. Это Сократъ доказываетъ логическими выводами, это же доказалъ онъ своею жизнью и смертью. Дадимъ же себѣ строгій отчетъ въ томъ, кто мы, въ нашихъ способностяхъ, въ нашихъ дѣлахъ, а все остальное оставимъ въ сторонѣ какъ безполезное и пустое.

Только теперь, послѣ выступленія Сократа, значеніе человѣка для науки было опредѣлено точно. Оказалось, что человѣкъ дѣйствительно рѣшаетъ, что есть, и чего нѣтъ, но что онъ не можетъ произносить такія рѣшенія по своему произволу, а лишь согласно съ *дѣйствительностью,* дѣйствительность же показываетъ ему его умъ, мыслящій и разсуждающій однако не какъ-нибудь, а съ знаніемъ дѣла и правильно; необходимо поэтому *воспитаніе самого человѣка для умѣлаго и правильнаго мышленія и разсужденія,* такое же воспитаніе человѣка можетъ происходить только путемъ изученія самого человѣка или самопознанія. Вотъ почему самопознаніе есть дѣйствительно начало всякаго истиннаго знанія—начало всякаго истиннаго искусства, начало всякой истинной философіи, начало всякой истинной науки. Предъ нимъ исчезаетъ всякое другое знаніе, потому что безъ него знаніе дѣйствительности невозможно.

Но чтобы быть понятымъ вѣрно, мнѣ необходимо остановиться на двухъ вопросахъ: во первыхъ, что такое дѣйствительность, и во вторыхъ, что составляетъ сущность мышленія.

И такъ, мы видѣли, что, признавъ существованіе одного внѣшняго міра, реализмъ допустилъ грубую ошибку, приведшую его къ гибели. Чѣмъ же объяснялась такая ошибка реализма?—Трудное это дѣло

для человѣка видѣть самого себя. То, что вокругъ него, онъ естественно видитъ, слышитъ, осязаетъ, себя же самого не замѣчаетъ точь въ точь, какъ какой-нибудь людоѣдъ Огненной земли. Это объясняется тѣмъ, что для того, чтобы себя замѣтить, человѣкъ долженъ сознать себя существомъ обладающимъ умомъ, существомъ мыслящимъ, а это ужъ не легко ему дается. Какъ бы то ни было, а существуютъ два источника познанія: одинъ—наши внѣшнія чувства и другой—*умъ нашъ*. Сообразно же двумъ источникамъ познанія существуютъ и два міра: одинъ—міръ внѣшній, или природа, и другой—*міръ идеи, идеальный*. Первый мы познаемъ чувствами, второй—умомъ. Не станемъ заранѣе доказывать, что міръ идеи выше внѣшняго міра, но обратимъ сначала должное вниманіе на то, что чувства наши представляютъ очень несовершенный источникъ познанія и что они вообще обманчивы, умъ же нашъ служитъ совершеннымъ источникомъ познанія. А тогда слѣдуетъ то, что говоритъ философъ Платонъ, что міръ идеи, постигаемый совершеннымъ умомъ, гораздо совершеннѣе, выше и могущественнѣе внѣшняго міра, который мы постигаемъ нашими несовершенными чувствами. Отсюда же мы легко выведемъ заключеніе, что то, что мы разумѣемъ подъ *реальнымъ*, далеко не имѣетъ такого значенія, какое мы привыкли ему придавать. Вѣдь объ этомъ реальномъ мы знаемъ только благодаря нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, чувства же эти обманчивы и потому не могутъ сообщать намъ безошибочнаго знанія. Другое дѣло—міръ идеи. Этотъ міръ постигается умомъ, выводы котораго никогда не мѣняются и никогда не обманываютъ—значитъ, этотъ міръ и есть міръ дѣйствительный. Хотя мы, по несовершенству нашей природы, съ трудомъ съ такой дѣйствительностью миримся, однакоже мы признаемъ вѣрные математическіе выводы, не смотря на всю ихъ отвлеченность, не идеальными, а дѣйствительными, равно какъ и геометрическіе треугольники и круги, и при томъ такими дѣйствительными, какимъ не признаемъ ничего изъ внѣшняго міра. Точно также мы вынуждены признать, да и признаемъ, и вообще всѣ вѣрные выводы нашего ума согласными съ дѣйствительностью, хотя въ нихъ нѣтъ ничего реальнаго въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова. Источникомъ познанія такой дѣйствительности и служитъ самопознаніе.

Оно есть дѣло нашего мыслящаго ума, между тѣмъ какъ познаніе внѣшняго міра или природы есть дѣло чувствъ нашихъ. Что же нужно, чтобы нашъ умъ мыслилъ? Что составляетъ *сущность мышленія?* Мы уже видѣли, что предметомъ мышленія служитъ не міръ внѣшній или реальный, а міръ идеи—идеальный. Еще мы видѣли, что для правильнаго мышленія необходимо умъ воспитать. Поэтому ясно, что, пока наше познаніе ограничено однимъ міромъ внѣшнимъ, до тѣхъ

поръ мы не въ состояніи мыслить—чтобы мыслить, мы должны отвлечься отъ этого внѣшняго или реальнаго міра и перейти въ другой міръ—идеальный. Однако и этого еще недостаточно—мыслящій умъ есть непремѣнно умъ воспитанный, т. е. знающій міръ идеальный.

Значитъ, это не пустая выдумка Эразма и Рейхлина—основать школу на изученіи *древняго міра*, а самый простой способъ покончить съ односторонностью и невѣжествомъ реализма. Что это такъ, это видно изъ самой вражды реализма къ классицизму, изъ того, что эти два направленія не терпятъ другъ друга. Правда, современный реализмъ какъ будто не отвергаетъ идеальнаго міра—онъ только споритъ съ классицизмомъ, но это только повидимому, на самомъ же дѣлѣ онъ отвергаетъ міръ идеальный совершенно. Онъ и теперь, какъ и тысячелѣтія тому назадъ, не видитъ и не замѣчаетъ человѣка, не видя же и не замѣчая человѣка, онъ не можетъ видѣть и идеальнаго міра Но если такое грубое заблужденіе человѣческой мысли, какъ реализмъ, возможно было для зарождающейся науки, то оно ни въ какомъ случаѣ не возможно теперь, когда давнымъ-давно объяснено, въ чемъ состоитъ истинная наука. Правда, кажущаяся неясность вопроса о реализмѣ и классицизмѣ помогаетъ по временамъ реалистамъ, какъ говорится, ловить рыбу въ мутной водѣ, втирать на время людямъ очки, что реализмъ—это единственно разумное направленіе науки, и вооружать незнаніе противъ классицизма, а грубость противъ древняго міра, но тѣмъ не менѣе мы видимъ, что давно уже пѣтъ въ образованной Европѣ страны, въ которой бы реализмъ возобладалъ окончательно въ школѣ и въ наукѣ.

Дадимте жъ съ спокойнымъ сердцемъ ликовать реализму—его побѣда кажущаяся, а господство кратковременно. Если тысячелѣтія тому назадъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ единственныхъ направленіемъ школы и науки, но кончилъ такъ жалко, то послѣ того онъ не можетъ никогда болѣе получить прочнаго преобладанія надъ классицизмомъ и истинной наукой. Добиваясь побѣды надъ классицизмомъ, реализмъ взываетъ къ педагогикѣ, христіанству, народности. Это ужъ похоже на шутку. Мыслима ли разумная педагогика, когда не подозрѣваешь ни у себя, ни у ученика ума? Можно ли насадить христіанскую вѣру, отвергая міръ идеальный и потому сѣя вокругъ собя невѣріе? Можно ли поддержать и укрѣпить народность, предлагая народу ученіе отсталое и отвергнутое истинной наукой? Силенъ реализмъ и убѣдителенъ, если принимать его на вѣру, обманываясь его кажущейся простотой и ясностью; ничтоженъ и пустъ, если обратиться къ исторіи науки и разсудить, что онъ можетъ дать, и чего не можетъ. И напрасна, совершенно напрасна надежда на то, что реализмъ скоро возобладаетъ

окончательно въ Европѣ. Какъ солнце не можетъ повернуть на востокъ, такъ и наука не можетъ повернуть къ реализму.

Но если это такъ, если реализмъ не имѣетъ болѣе права на существованіе, а истинная наука неразрывно связана съ *классицизмомъ*, то всегда ли классицизмъ хорошо представляетъ науку и не подаетъ ли онъ иногда повода къ справедливому ропоту и нареканіямъ? Послѣ того, какъ мы видѣли, какія причины призвали классицизмъ къ жизни, на эти вопросы можетъ быть данъ отвѣтъ опредѣленный. Классицизмъ, какъ извѣстное направленіе школы, имѣетъ подъ собой твердую почву, но если сознаніе его значенія не достаточно поддерживается школой, то лишь внимательное изученіе исторіи науки въ состояніи рѣшить окончательно споръ между классицизмомъ и реализмомъ, потому что само по себѣ непонятно, отчего школа должна непремѣнно искать спасенія въ классицизмѣ. Такое же положеніе классицизма часто вызываетъ къ нему недовѣріе и его неудачи. Если только школа оказывается не въ силахъ поддержать къ классицизму должное уваженіе, то онъ возбуждаетъ недовольство и упреки—какіе, это извѣстно—и тогда заходитъ рѣчь объ униженномъ или отвергнутомъ реализмѣ. Поэтому не только *серьезныя ученыя силы* имѣютъ для классической школы первостепенное значеніе, но и *вся постановка* школы и *довѣріе* къ ней общества. Безъ ученыхъ силъ, при неудовлетворительной постановкѣ учебнаго дѣла и при недовѣріи общества классицизмъ съ однимъ своимъ превосходствомъ еще не можетъ удержаться на высотѣ своей задачи.

Когда наша статья о классицизмѣ и реализмѣ была уже готова, было окончено печатаніемъ въ „Русской Школѣ" сочиненіе нѣмецкаго ученаго реалиста Арнольда Олерта: „Изученіе языковъ и умственное развитіе". Ни для кого не тайна, что „Русская школа" старается не столько служить школѣ, наукѣ и истинѣ, сколько собрать все направленное противъ классицизма; а такъ какъ сочиненіе А. Олерта также направлено противъ классицизма, то и оно нашло пріютъ въ „Русской Школѣ". Замѣчательно однако то, что сочиненіе это не напоминаетъ заурядныхъ статей, враждебныхъ классицизму, разнузданныхъ и написанныхъ съ явнымъ пренебреженіемъ къ здравому смыслу, а прикрывается большой ученостью. Нельзя однако сказать, чтобъ А. Олерту удалось нанести ударъ классицизму. Вотъ его *немногіе* выводы.

„Упражняемы и укрѣпляемы могутъ быть, говоритъ А. Олертъ, только внѣшнія чувства, и изъ учебныхъ предметовъ, которые одни къ тому способны подъ условіемъ искусной методики, оказываются такими естественныя науки, математика и счисленіе" (стр. 98)—и далѣе (стр.

104): „Зерно психологически безспорнаго развитія лежитъ въ усвоеніи обширнаго реальнаго знанія и скрѣпленіи его съ понятіями роднаго языка. Въ такой постановкѣ обученія, совершенно независимо отъ всѣхъ прочихъ умственныхъ упражненій, заключается единственное средство содѣйствовать укрѣпленію въ логическомъ мышленіи. Поэтому естественныя науки и родной языкъ составляютъ основу высшаго образованія".—Вотъ она великая ученость А. Олерта, вслѣдствіе которой онъ не знаетъ, что уже тысячелѣтія тому назадъ одни внѣшнія чувства оказались источникомъ познанія *совершенно недостаточнымъ* и съ логическимъ мышленіемъ *ничего общаго не имѣющимъ*, а естественныя науки не безъ полнаго основанія *перестали уже тогда составлять основу высшаго образованія.*

Значеніе же классическаго образованія А. Олертъ опредѣляетъ такъ: „Дѣйствительное значеніе классическаго образованія заключается въ томъ, что оно знакомитъ учащихся съ различіемъ словесныхъ формъ для выраженія реальныхъ признаковъ и отношеній. Оно предназначено такимъ образомъ для той цѣли, чтобы углубить въ извѣстномъ направленіи достигнутое уже развитіе, но поэтому и нельзя смотрѣть на него иначе, какъ на носителя (?) и восполнителя (?) достигнутаго умственнаго развитія".—А. Олертъ—не филологъ и потому значенія классицизма не понимаетъ и судить объ немъ вѣрно не можетъ. Дѣйствительное значеніе классическаго образованія совсѣмъ не заключается въ томъ, что „оно, какъ говоритъ А. Олертъ, знакомитъ учащихся съ различіемъ словесныхъ формъ для выраженія реальныхъ признаковъ и отношеній" — дѣйствительное значеніе классическаго образованія заключается въ другомъ, а именно въ томъ, что оно ставитъ человѣка выше природы, что оно раскрываетъ предъ ученикомъ міръ человѣческаго духа—міръ гораздо болѣе могущественный, чѣмъ природа, что оно указываетъ ученику на человѣка и на умъ, которые безъ классицизма остались бы незамѣченными въ школѣ, какъ они не были замѣчены греческими реалистами и какъ не замѣчены и А. Олертомъ, и наконецъ въ томъ, что оно воспитываетъ человѣке для правильнаго мышленія и истиннаго знанія, что слѣдовательно *безъ классицизма не можетъ школа учить мышленію, преподавать истинное знаніе и воспитывать.* Вотъ въ чемъ заключается дѣйствительное значеніе классическаго образованія. Между тѣмъ А. Олертъ, не смотря на всю свою кажущуюся ученость, незнакомый съ истинной наукой, принимаетъ главное за второстепенное и заявляетъ, что будто бы классическое образованіе предназначено „для той цѣли, чтобы углубить въ извѣстномъ направленіи достигнутое уже развитіе". Увы! сколько бы А. Олертъ ни силился, онъ все-таки не докажетъ, что нынѣшняя школа можетъ ограничиться преподаваніемъ однихъ естественныхъ наукъ

и математики, когда давнымъ-давно доказано рѣшительное значеніе *самопознанія* для науки. Самомнѣніе реалистовъ извѣстно: по ихъ мнѣнію, послѣдній школьникъ двадцатаго столѣтія умнѣе Сократа и Платона. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что реализмъ борется и вообще съ знаніемъ, и въ частности съ знаніемъ Сократа и Платона.

Насколько неправильны выводы А. Олерта, видно уже изъ того, что они противорѣчатъ живымъ фактамъ. По его, напр., мнѣнію, утвержденіе, что занятія древними языками направляютъ мысль къ вопросу: почему это? потому де неосновательно, что „доступная ученикамъ область языка тѣсно ограничена по мѣсту и времени, и потому вопросъ объ основаніяхъ словеснаго явленія для нихъ непосиленъ". А. Олертъ не знаетъ, что на урокахъ древнихъ языковъ ученикъ *то и дѣло* или отвѣчаетъ на вопросъ: почему это? на основаніи извѣстныхъ ему послѣ изученія фактовъ, или наводится на правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ преподавателемъ, или слышитъ объясненіе явленія изъ устъ преподавателя; не зная же этого, выдумываетъ причины, по которымъ вопросъ: почему это? при занятіяхъ древними языками былъ бы невозможенъ, а того, что происходитъ постоянно и правильно, не замѣчаетъ.

Но оставимъ г. Олерта со всей его ученостью не по разуму и обратимся къ человѣку русскому до мозгу костей и не безызвѣстному въ Россіи А. С. Хомякову чтобъ услышать его сужденіе о классицизмѣ, изложенное имъ въ запискѣ „Объ общественномъ воспитаніи въ Россіи"[1]). „Словесность, говоритъ Хомяковъ, должна по преимуществу обращаться къ древнимъ языкамъ, математика — къ алгебраическимъ формуламъ. Задача переходнаго училища состоитъ именно въ томъ, чтобы расширить и укрѣпить пониманіе, и этой цѣли можетъ оно достигнуть только такою системою, которая доставляетъ трудъ уму и пищу размышленію. Преподаваніе языковъ живыхъ и математики прикладной раскидываетъ мысль, преподаваніе языковъ древнихъ и чистой математики сосредоточиваетъ ее въ самой себѣ. Одно изнѣживаетъ и разслабляетъ, другое трезвитъ и укрѣпляетъ. Тотъ, кто учится французскому и другимъ европейскимъ языкамъ, пріобрѣтаетъ только новое средство читать журналы и романы и лепетать въ обществѣ на разныхъ ломанныхъ нарѣчіяхъ; тотъ, кто учится языкамъ древнимъ, пріобрѣтаетъ знаніе не языковъ, но самихъ законовъ слова, живого выраженія человѣческой мысли. *Одного знанія древнихъ языковъ достаточно, чтобы русскій человѣкъ превосходно овладѣлъ своимъ*

---

[1]) Русскій архивъ. 1879, 1.

собственнымъ языкомъ, а знанія многихъ живыхъ языковъ достаточно, чтобы русскій совершенно раззнакомился со всѣми живыми особенностями родного языка. Почти то же самое можно сказать и объ математикѣ. Чистая математика приготовляетъ человѣка къ прикладной, прикладная дѣлаетъ человѣка почти неспособнымъ къ ясному уразумѣнію законовъ чистой математики. Наконецъ познаніе языковъ новѣйшихъ и наукъ физическихъ легко пріобрѣтается и по выходѣ изъ школы: сама жизнь помогаетъ этому пріобрѣтенію. Языки древніе и чистая математика никогда уже не пріобрѣтаются тѣмъ, кого школа съ ними не подружила. *Ученіе, повидимому, безполезное въ отношеніи практическомъ, созидаетъ людей крѣпкихъ и самомыслящихъ; ученіе, повидимому чисто практическое, воспитываетъ пустыхъ повторителей заграничной болтовни*".

Мы выписали все это мѣсто, чтобы во первыхъ показать, что гимназія 1871 г. далеко не была выдумкой гр. Толстого, Каткова или Леонтьева, какъ это вообще принято думать, а была также результатомъ горячаго сочувствія такихъ самостоятельныхъ и насквозь русскихъ людей, каковы были представители русскаго *славянофильства*, и во вторыхъ чтобы показать, что какъ на цѣль обученія, такъ и на вліяніе древнихъ и новыхъ языковъ на русскій языкъ и русскую народность такіе *истинно русскіе* люди, какъ Хомяковъ, смотрѣли совсѣмъ иначе, нежели мы теперь смотримъ. Намъ, конечно, возразятъ, что надежды Хомякова не оправдались, однако напрасно. Чтобы мы ни говорили, а со времени Хомякова мы значительно такъ сказать *обрусѣли*, потому что перестали слѣпо преклоняться предъ всѣмъ иностраннымъ и изгнали изъ нашего обихода языкъ французскій, а заслуга въ этомъ отношеніи падаетъ, безъ сомнѣнія, и на классическую школу. Правда, мы въ концѣ концовъ остались очень недовольны всей нашей системой воспитанія и обученія, но насколько справедливъ нашъ ропотъ противъ преобладанія древнихъ языковъ въ школѣ, это точно неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что всѣ своеобразные порядки и педантизмъ утвердившейся съ 1871 г. системы обученія и воспитанія не имѣли ничего общаго съ древними языками, потому что въ Германіи и Австріи—этихъ странахъ классицизма — приняты въ школахъ другія системы, болѣе разумныя и гуманныя. Что же касается до успѣховъ русскаго языка или русской исторіи, то опять не подлежитъ сомнѣнію, что во время господства системы гр. Толстого и *русскій языкъ*, и *русская исторія* достигали большихъ успѣховъ, нежели при господствѣ системы гр. Делянова. Гр. Деляновъ хотѣлъ возвысить русскій языкъ въ гимназіяхъ и потому перенесъ центръ тяжести съ древнихъ языковъ на русскій, приказавъ преподавателямъ древнихъ языковъ преслѣдовать прежде всего пользу русскаго языка и та-

кимъ образомъ подчинивъ ихъ преподавателямъ русскаго языка, но русскій языкъ въ дѣйствительности отъ этого не только ничего не выигралъ, но даже *проигралъ* очень много, потому что потерялъ прежнюю универсальность, пересталъ справляться съ законами логики и съ наукой и ограничился узкой сферой однихъ учебниковъ русской грамматики, литературы и исторіи. Однимъ словомъ, приведенное мнѣніе Хомякова не опровергается нисколько плодами тридцатилѣтней классической школы, потому что съ одной стороны эта школа все-таки кое-чего достигла, а съ другой стороны она сдѣлалась жертвой неудовлетворительной постановки учебнаго дѣла, стѣснительныхъ мѣръ и недовѣрія общества, не имѣющихъ ничего общаго съ классицизмомъ.

А что именно она кое-чего достигла, это слѣдуетъ также изъ словъ Хомякова: „Университеты наши, пишетъ Хомяковъ, еще такъ далеки отъ всезнанія, что *не всѣ юристы въ состояніи порядочно выразить свои мысли по русски, а изъ математиковъ и медиковъ большая часть не имѣетъ никакого понятія объ исторіи всеобщей или отечественной.* Неизбѣжная и неотвратимая небрежность вступительныхъ экзаменовъ допускаетъ въ университетъ воспитанниковъ *весьма слабо приготовленныхъ*, а самый курсъ университетскій, расчитанный единственно на спеціальныя требованія отдѣльныхъ факультетовъ, не пополняетъ и не можетъ пополнить недостатковъ первоначальнаго образованія“.— Не худо бы, намъ кажется, обратить вниманіе на эту аттестацію Хомякова прежней школы, потому что, какъ бы ни были скромны познанія воспитанниковъ классическихъ гимназій, все-таки вышедшіе изъ нихъ юристы выражаютъ свои мысли довольно порядочно по-русски, а большая часть математиковъ и медиковъ все-таки имѣетъ нѣкоторое понятіе объ исторіи всеобщей и русской. Да и въ университеты поступали изъ классической школы воспитанники все-таки сколько-нибудь приготовленные, не смотря даже на всѣ возможныя и невозможныя послабленія, которыя дѣлались въ послѣднее время по всѣмъ предметамъ. Безъ сомнѣнія, школа гр. Толстого далеко не отвѣчала требованіямъ педагогики, но вѣдь нужно принять во вниманіе и то, что ей предшествовало, и какими по истинѣ ничтожными средствами она располагала. Поставимъ нашу школу въ лучшія условія, дадимъ ей бо́льшія ученыя силы, лучшіе порядки, лучшую организацію, то и плоды ея будутъ обильнѣе и лучше; но не станемъ искать спасенія для школы въ реализмѣ. Уже Хомяковъ различалъ *мѣстныя* начала школы, измѣняющіяся въ каждомъ государствѣ соотвѣтственно характеру самого государства и требованіямъ эпохи, и *общія*, одинаковыя вездѣ, во всѣхъ странахъ свѣта, основанныя на общихъ законахъ человѣческаго разумѣнія; съ Хомяковымъ же согласны Пироговъ, Ушинскій, Стоюнинъ, и только въ послѣднее время проявилось стремленіе по-

строить во что бы то ни стало національную школу на развалинахъ началъ общихъ. Но такая школа была бы не столько національной сколько *начальной*, какъ это мы видимъ, напр., въ Австріи, гдѣ семиклассныя народныя школы существуютъ на ряду съ гимназіями, реальными гимназіями и реальными училищами.

Намъ говорятъ, будто классицизмъ не имѣетъ почвы въ Россіи. Это справедливо развѣ въ томъ смыслѣ, что въ Россіи не такъ давно положены самыя начала европейской школѣ, но ужъ совсѣмъ неправильно утверждаютъ, что русскій человѣкъ неспособенъ и даже питаетъ какую-то ненависть къ классицизму. Петръ I, преобразователь Россіи, былъ человѣкомъ русскимъ и, не смотря на то, горячо желалъ видѣть процвѣтаніе греческихъ наукъ и искусствъ въ своемъ государствѣ; Ломоносовъ, отецъ русской науки, былъ русскимъ человѣкомъ, но тѣмъ не менѣе глубоко уважалъ латынь и греческую науку; Пушкинъ же, нашъ величайшій поэтъ, осуждая Евгенія Онѣгина за его поверхностныя познанія въ латинскомъ языкѣ, относится съ уваженіемъ къ латинскимъ и греческимъ писателямъ и то и дѣло пересыпаетъ свою поэзію греческими именами. А что онъ думаетъ о поверхностномъ, далекомъ отъ классическаго, воспитаніи, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ первая глава Евгенія Онѣгина, къ которой и отсылаемъ всѣхъ враговъ классической школы. А если мы обратимся къ болѣе близкимъ къ намъ временамъ, то мы видимъ уже большое число серьезнѣйшихъ русскихъ писателей, сочувствующихъ изученію древняго міра, и ученыхъ, посвящающимъ ему свои лучшія силы. И они всѣ свидѣтельствуютъ, что русскому человѣку *истинная* наука доступна и любезна не менѣе, чѣмъ французу, англичанину или нѣмцу.

И то несправедливо утверждаютъ, что учащіеся тяготятся древними языками. Мой личный опытъ, по крайней мѣрѣ, убѣдилъ меня въ томъ, что ученики нашихъ гимназій нерѣдко предпочитаютъ уроки древнихъ языковъ другимъ, и лишь въ томъ случаѣ, когда занятія древними языками ведутся слишкомъ сухо и педантично — когда грамматическія правила вдалбливаются въ головы насильно, а авторы читаются небрежно, безъ надлежащаго разбора и объясненій, и потому остаются совсѣмъ непонятыми, и на урокахъ древнихъ языковъ исчезаетъ живая мысль и водворяется скука, что къ сожалѣнію однако бываетъ въ нашихъ гимназіяхъ довольно часто — лишь тогда западаетъ въ души учащихся сомнѣніе въ пользѣ древнихъ языковъ, и они начинаютъ ими тяготиться. Но если преподаватель древнихъ языковъ занимается толково и постоянно объясняетъ, разсуждаетъ и мыслитъ, то онъ встрѣчаетъ со стороны учениковъ, особенно болѣе способныхъ,

не только живую любознательность къ предмету своего преподаванія, но и глубокое сочувствіе и признательность — лучшую награду за свои труды и поощреніе къ дѣятельности.

Долженъ ли я послѣ всего сказаннаго еще объяснять, почему никакія возраженія не въ состояніи поколебать моего твердаго убѣжденія въ цѣлесообразности преподаванія древнихъ языковъ и вообще во всякой другой европейской школѣ, и въ частности въ русской?

Дозволено Цензурою. Варшава. 10 Декабря 1901 года.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.

Цѣна 20 коп.